

ГАБОР БЕРЕЦКИ (Будапешт)

**ПЕРМСКО-МАРИЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СОВПАДЕНИЯ —
ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ ОБЩИЕ СУБСТРАТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ?**

Abstract. I. S. Galkin has expressed doubt about the etymology of about 50 words of the Mari language, presented by the author of this paper. In the opinion of the author these words were adopted by the Mari language as a result of later contacts between the Maris and Permians. I. S. Galkin, however, claims that 70% of these words belong to a common substratum of these languages and are not loans. In the paper an attempt is made to refute I. S. Galkin's arguments and new evidence is presented for every etymology questioned. Once again it is concluded that the Mari words under consideration have obvious Permian phonetic characteristics and can thus be only loans.

Keywords: Mari, Permian, etymology, loanwords.

В статье «О марийско-пермских лексических параллелях» уважаемый коллега И. С. Галкин на основе нескольких моих статей подробно рассматривает марийские лексемы, признанные мною пермскими заимствованиями. Он приходит к выводу, что 70% этих слов — не заимствования, а общие субстратные элементы (2001 : 3—16).

К сожалению, статья дошла до меня с большим опозданием, так что ответить могу только теперь. Ответ необходим, потому что, во-первых, критику ни в одном случае не удалось поколебать мое прежнее убеждение, и, что важнее, считаю полезным более подробно изложить свою точку зрения, привести новые доказательства и таким образом рассеять сомнения, которые, может быть, возникли или могут возникнуть у других. Кроме того, намереваюсь указать на некоторые несуразности у И. С. Галкина, а также на неприемлемые для меня методические приемы. Касательно последних приведу пример. Я пишу (Bereczki 1977 : 73), что мар. *сјан, сьјан, сјян* 'свадьба' является удмуртским заимствованием (удм. *сюан* то же). В удмуртском слово образовано от древнего варианта глагола *си-* 'есть, кушать' (см. Itkonen 1953—1954 : 277—278), *-an* — суффикс причастия настоящего времени. Авторы UEW такого же мнения (с. 440). И. С. Галкин даже не пытается опровергнуть это мнение. Ссылаясь на И. В. Тараканова, он декларирует, что удмуртское слово татарского происхождения, но татарскую лексему не приводит.

Пожалуй, самый большой недостаток статьи И. С. Галкина в том, что он не воспользовался моим наиболее обстоятельным обзором во-

проса в монографии «Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II» (Bereczki 1992). В ней учтены и пермские заимствования в марийском языке, выявленные К. Редеи.

Считаю целесообразным пройти по статье И. С. Галкина.

Во введении (с. 3) утверждается: «Явно только одно, что марийский язык по своим особенностям занимает промежуточное положение между прибалтийско-финскими и пермскими языками. По образному выражению Б. А. Серебренникова, марийский язык — это своеобразный мост между восточным и западным финно-угорским миром» (с. 6). Э. Итконен уже раньше (Itkonen 1961 : 38) писал то же, употребив слово *silta* 'мост'. Я уже полвека придерживаюсь мнения (см. Берецки 1963 : 203), что многочисленные пермско-марийские лексические и структурные совпадения объясняются вторичными соприкосновениями. Б. А. Серебренников в своих работах указал на многие пермско-марийские структуральные совпадения.

«По мнению Берецки, все марийско-пермские лексические параллели можно объяснить только результатом вторичных соприкосновений и только заимствованиями из одного языка в другой» (с. 3). Это же абсурд! И. С. Галкин не указывает конкретно, где так написано. В статье, критикуемой им, говорится, что многочисленные пермско-марийские лексические совпадения *ч а с т и ч н о* объясняются вторичными соприкосновениями (см. Bereczki 1977 : 57).

И. С. Галкин пишет (с. 4), что я нахожу в марийском языке 28 слов древнепермского или древнеудмуртского, а также 28 слов удмуртского происхождения. В упомянутой монографии, обремененной его вниманием, приведено уже 41 слово древнепермского или древнеудмуртского происхождения и 30 — удмуртского.

После перечисления приведенных мною пермских заимствований марийского языка И. С. Галкин подробно анализирует (с. 5) мар. *седык*, *кӱседык*, *кӱшедык* 'чибис', которое я считаю заимствованием: удм. *седык* то же. Данное слово позже было заимствовано удмуртами из марийского в форме *куседык*. Относительно этих слов И. С. Галкин замечает: «Однако непонятно, как одно и то же слово с одним и тем же значением могло сначала проникнуть из удмуртского в марийский, а затем обратно в удмуртский язык». Обратное заимствование — нередкое явление в языках мира, в данном случае мы имеем дело не просто с обратным заимствованием. В марийском языке с помощью прилагательного *кугу* 'большой' образовались формы *кужедык*, *кӱшедык*, *кӱседык* и т. д., удмурты заимствовали последнюю: MU *küsedik* 'Kiebitz' (Wichmann, Korhonen).

Возражения И. С. Галкина легко опровергнуть. Он пишет: «Однако то, что это слово встречается в горном наречии марийского языка, говорит о том, что оно не заимствовано марийским языком, ибо предки горных мари не имели прямого контакта с предками удмуртов». Более трети удмуртских заимствований марийского языка, выявленных мною, наличествуют и в горномарийском. Для этого горным марицам не нужны были прямые контакты с удмуртами. Более восточные марийские говоры, с носителями которых горные марицы соприкасались до конца средних веков, могли передать им удмуртские заимствования.

«С другой стороны, считать его сложным словом не позволяет отсутствие в марийском языке названия *изи* 'маленький чибис'» (с. 5). Мы могли бы перечислить целый ряд подобных сочетаний, в которых отсутствует вариант с прилагательным *изи*, например *кугдеде* 'лесной голубь, вяхирь' (< *кугу+кеде*), *куголя* 'крыса' (< *кугу+коля* 'большая мышь') и т. д. «Считать его сложным из *кугу* 'большой' и *седык* 'чибис' не позволяет фонетически его горномарийский вариант, где гласный *й* никак не восходит к гласному *у*» (с. 5). Опровержение этого аргумента содержат данные Э. Беке: СÜ *küšedäk*, СК Ї ČN *kušedäk*, Р В ВJ *küsedäk*, УJ *küšedäk*, СЇ ЈТ *küšedäk*, К *käšedäk* 'Kiebitz' (MNYsz 4 : 1134). Однако идти надо не от марГ *küšedäk*, как делает И. С. Галкин, поскольку в марийском действительно нет перехода *ä > ü > u*, но зато есть переход *u > ü > ŷ > ä*, ср. у Э. Беке Р В М UP *tu*, ЈО V *tü*, ЈТ *tü*, К *tä* 'jener' (MNYsz 8 : 2856).

«По-видимому, слово *нарды* 'барсук' также нужно отнести к периоду финно-пермской общности. Считать его марийским заимствованием в удмуртском языке нельзя по фонетическим соображениям: в марийском языке гласный первого слога *e* нельзя вывести из гласного *a*, потому что в удмуртском языке гласный *a* возник из марийского *e*» (с. 5). Надо исходить из того факта, что в марийском языке *нерге*, *нерте*, *нерде* 'барсук' образовано от *нер* 'нос', подобно мордЭ *нерьгаз*, мордМ *нярьгаз* 'барсук', ср. мордЭ *нерь*, мордМ *нярь* 'нос' (см. Bereczki 1964 : 121). В марийском слове *-ге*, *-те*, *-де* — суффиксы. В удмуртском языке слово, обозначающее 'нос' — *ныр* и от него нельзя образовать *нарды*, а от мар. *нерде* — без всякого затруднения. Соответствие мар. *e* ~ удм. *a* — не редкость, ср. мар. *келде* ~ удм. *калтон* 'невод' (см. UEW 649), мар. *ленеж* 'кадка-дублянка' ~ удм. *лянэс* 'туес, туесок' (см. UEW 65); мар. *пеле* 'половина' ~ удм. *пал* 'сторона' (см. UEW 362) и т. д.

«Слово же мар. *шыр* 'норма, мера, предел', удм. *сыр* 'лад, такт, равномерность', по всей вероятности, является арабским словом, вошедшим в оба языка посредством древнечувашского (булгарского), ср. чув. *сър* 'тайна, воля, власть'» (с. 6). Семантическая разница между финно-угорскими и упомянутыми чувашскими словами не преодолима. Отмечу, что девнечувашский и булгарский в настоящее время не отождествляются. У мар. *sär*, *šär*, *sär* 'Gemütsart, Charakter, Art und Weise, Gewohnheit' уже почти сто лет имеется широко принятая уральская этимология (см. Setälä 1912 : 35; UEW 475), которая реконструируется как *šerz, хотя марийский и ненецкий языки указывают на начальный *š*. Соответствующее коми слово *šer*, удм. *сыр* из-за начального *s* и гласного *i* может быть только заимствованием.

«А мар. *чога*: *чогашыл* 'мышцы' имеет соответствие в саамском языке, ср. саам. *sug'g'es* 'густой' [---], что делает невозможным праудмуртское происхождение его в марийском языке» (с. 6). В том, что является или нет определенное марийское слово пермским заимствованием, родственные связи пермского слова не играют никакой роли. К тому же саамская этимология, предлагаемая И. С. Галкиным, ошибочна: мар. Р ВJ М *šoγa 'knochenfrei (Fleisch), grätenfrei (Fisch)' (MNYsz 9 : 3128); коми *šeg 'Fett, Speck, Talg' (WUo.) начинаются какуминальным *š, которому соответствует в саамском не *s*, а *c* (см. Korhonen 1981 : 128). Трактующие марийское и коми слова нельзя считать

общим финно-пермским наследием в этих языках. Согласный *g* в коми слове восходит, по всей вероятности, к звукосочетанию **yg*, которое в марийском сохраняется. Если *g* появился в коми языке в результате озвончения **k*, что после глухого начального согласного маловероятно, то в велярном окружении **k* должен был в марийском исчезнуть (см. Bereczki 1994 : 31). Следовательно, марийское слово может быть только заимствованием.

По И. С. Галкину, мар. *якте* 'сосна', которое я считаю древнепермским заимствованием (ср. коми и удм. *яг* то же), может быть уральским наследием (с. 6). Ни в коем случае. Как уже отмечено, *a* в первом слоге в марийском языке появился поздно, таким образом мар. *якте* (-*те* — суффикс) может быть только пермским заимствованием (см. UEW 88). Что касается мар. *кар*, *kär* 'крепко скрученный', по И. С. Галкину, это вряд ли заимствование из коми — *гар* 'крученный', а воспринято из чувашского, ср. *кар* 'загораживать, завешивать, заневеживать; растягивать, затягивать'. Данные слова фигурируют как прилагательные, как в марийском, так и в коми языке, чувашское же слово и все его соответствия в тюркских языках (см. Räsänen EtymWb. 254/b; Федотов 1996 : 228) — глаголы. М. Р. Федотов (1996 : 228) считает чув. *кар* 'крутой, натянутый' марийским заимствованием, но И. С. Галкин его не цитирует.

Мар. *кыл* 'ручка, струна' (с. 6—7), по И. С. Галкину, одного происхождения с фин. *kieli* 'язык'. Эта этимология действительно фигурирует в первом томе SKES, но во втором томе слово уже перечисляется среди соответствий *köysi* (*köyte*-) 'канат, веревка'. То же в SSA и UEW (с. 135). По И. С. Галкину, марийское слово восходит к тат. *кыл* 'конский волос, струна'. М. Ряснен такого же мнения (ČLČ 37), что и я: значение 'струна' марийского слова объясняется влиянием татарской лексемы, но 'завязка, шнур, веревка' сближает его с пермскими языками (ср. удм. *кал* 'завязка, тесемка, шнур'; коми *кӧл*, *кӧв* 'завязка, шнурок') (см. Bereczki 1977 : 62). На основе фин. *köyte*- можно реконструировать ф.-у. **kewde*. В UEW отмечено, что это единственное марийское слово с *δ > l*. В пермских языках регулярное продолжение ф.-у. **δ* — это *l*. Если марийское слово считать пермским заимствованием, фонетическая проблема устраняется.

И. С. Галкин в связи с мар. *лудо* 'серый' замечает: «Весьма сомнительно выводить из коми *руд*» (с. 6—7), потому что начальный *r* в марийском языке сохраняется. Это правда, но в звукосочетании *rVδ* и в других случаях происходит диссимиляция *r > l*, например, фин. *rita* ~ мар. *lūdö* 'ловушка для птиц' (UEW 746), мар. *лўдам* 'бояться' ~ коми *род-* 'смущаться, стесняться' (с. 7) также приемлемая этимология как с фонетической, так и с семантической точки зрения.

По И. С. Галкину, мар. *мўдаш* 'зарыть, схоронить' ~ удм. *мудыны* 'окучивать, копать', коми *мудйыны* то же имеют общее происхождение, т. е. здесь нет заимствования (с. 7). Это положение трудно принять. В пермских глаголах, вероятнее всего, имеется отыменный суффикс *d*, который восходит к ф.-у. **nt* (см. UEW 700). В марийском языке есть продолжение упомянутого суффикса — *nd*. Значит, это марийское слово может быть только заимствованием. Этимологи предполагают, что данные слова образованы от слова 'земля' (ср. фин. *maa*),

но в марийском такого слова нет. Некоторые исследователи произвольно делят мар. *m̄jlande* 'земля' на два компонента и сравнивают *m̄j-* с финским словом. Беда в том, что на основе данных Э. Беке MM *milände*, Usj. *milandä*, UJ *m̄lande*, JO *mäländä* 'земля' (MNySz 5 : 1430) в прамарийском языке можно реконструировать форму: **milandä*; *i* после *m* часто лабиализуется в марийском, но примеры обратного процесса не известны. Отсюда вывод: считать марийское слово заимствованием — это наиболее правдоподобное предположение.

«По-видимому, такого же общего происхождения и слово *нюго* 'вьюн, мелкая рыба'. Если бы оно было заимствовано из пермских языков, то фонетический облик был бы другим, см. коми *нюгыль*, *нюглей* 'пескоройка, личинка миноги'» (с. 7). И. С. Галкин признает, что марийское и коми слова связаны между собой. В этом случае в марийском оно может быть только заимствованием: *-ыль*, *-лей* в коми являются суффиксами, что отмечает и И. С. Галкин. Марийский язык заимствовал более древнюю форму без суффикса. В оригинальных словах **ñ* перед велярным гласным непременно депалатализуется (см. Bereczki 1994 : 46). Согласный *g* в коми языке восходит или к **yg*, или же к **k*. Первый вариант сохраняется в марийском языке, второй исчез бесследно (Bereczki 1994 : 31).

Мар. *õрт* 'призрак' (с. 7) И. С. Галкин считает тоже древним наследием, а не заимствованием, ср. коми *орт* 'призрак, дух', удм. *урт* 'душа, дух'. В таком случае марийское слово должно заканчиваться гласным. В конце оригинального марийского слова звукосочетание *-rt* невозможно (см. Bereczki 1994 : 128). И. С. Галкин ссылается на Х. Паасонена — эрз. *юрт эрт* 'дух дома', и считает этот пример своим решающим аргументом в пользу того, что марийское слово не заимствовано. Однако такого эрзянского выражения не существует. И. С. Галкин почерпнул его из восточномарийского словаря Х. Паасонена (Paasonen, Siro), в который он включил свои непроверенные этимологические идеи, частично ошибочные. Многие считают публикацию их ошибкой.

Нет оснований, по мнению И. С. Галкиной, считать мар. *пурня* 'кузов' заимствованием, ср. коми *бурня* 'долбленка, колода', и ссылается при этом на SKES, где марийское слово входит в перечень этимологических соответствий при фин. *purtti*. Из-за *ñ* марийское слово не может быть финно-угорским наследием, а только древнепермским заимствованием (то же в UEW (с. 736) и SSA 2 (с. 437)). Мар. *пызыраш*, *пызырташ* 'давить' из-за его вокализма нельзя непосредственно связать с фин. *pusertaa* 'прессовать, давить' (с. 7). Реконструированная форма фин. **pućz-rz* (UEW 397), коренной же гласный марийского глагола восходит к **i*. Поэтому в UEW марийский глагол исключен из соответствий упомянутого финского слова, что акцептируется и в SSA 2 (с. 439); без труда его можно вывести из коми *пыдыртны* 'отжать, выжать из чего-л. влагу' и его удмуртского соответствия. «Нельзя выводить из коми *зүдӧс* 'горсть, пучок льна или конопли, охлопок кудели' мар. *шондаш*, *шандаш*, *шандакш* 'круглая щетка для чесания кудели'. Во-первых, здесь налицо сочетание согласных *-нд-*, во-вторых, в отличие от коми языка в марийском выступает суффикс *-киш* > *ш...*, а не финно-угорский суффикс *s*, в-третьих, семантически эти слова очень далеки» (с. 7—8).

Этимологическую связь трактуемых марийского и коми слов выявил В. И. Лыткин (КЭСК 106). По его мнению, коми слово образовано от *зу* 'чесалка, кусок щетины, залитой с одного конца варом'. Мар. *-nd-*, коми *-d-* могут быть продолжениями финно-угорского суффикса **nt*. Заимствование должно было произойти ранее X века, когда звуко-сочетание **nt* в древнепермском еще не деназализировалось. И. С. Галкин не указывает, откуда происходит вариант мар. *шандаки*. Данные Э. Беке P B U C Š JT *šondaš*, JO V K *šandaš* 1. 'Hechel'; 2. 'Haarbüschel' (MNYsz 7 : 2443) указывают на ф.-у. суффикс **s*, иначе в Š JT JO V в конце слова было бы *kš* (см. Bereczki 2002 : 191). Разница семантики коми и марийского слов вполне преодолима, значение бессуффиксального коми слова тождественно значению марийского. Теоретически можно предположить, что оба представляют собой результат параллельного развития (ср. мар. *шу* 'щетина'). Противоречит этому тот факт, что два суффикса одного происхождения следуют в обоих языках друг за другом, что трудно объяснить случайностью. Считать данные слова общим финно-пермским наследием нельзя, потому что они в обоих языках связаны с обработкой льна и канопли, так что должны быть более позднего происхождения.

«Мы не можем согласиться с тем, что мар. *ваниш* 'сеть' восходит к коми *ветӧс* 'паутина', ибо пермским словам в марийском языке, как правильно заметил Гордеев, этимологически соответствует мар. *вот*: *эньиремышвот* 'паутина'» (с. 8). Первое место я отдал бы значению 'тенета' в пермских языках, ср. коми Ud. *vetes* 'Netz zum Fangen von Enten' (WUo.); удм. *voťäs* 'Jänergarn, Jagdnetz' (Munk.). В UEW (с. 820) реконструируется финно-пермский глагол **wepte-* (**wäptz-*) и перечисленные существительные считаются отглагольными образованиями. Форме **weptz-* (*wäptz-*) никак не может соответствовать мар. *вот*. Это слово в UEW (с. 816—817) сравнивается с иными словами. Что касается консонантизма и значения пермских и марийского слов, то они соответствуют друг другу, но о гласном первого слога марийского слова нельзя этого сказать. Марийское слово легко объяснимо как пермское заимствование. Подобное соответствие гласных находим в первом слоге мар. *талгыде* 'стригунок, жеребенок по второму году' < удм. *толэс* 'стригунок (жеребенок от одного года до двух лет)' (мар. *-гыде*, удм. *-эс* — суффиксы). Удмуртское слово образовано от *тол* 'зима', которому соответствует коми *тӧл*, *тӧв*. Заимствование марийского слова доказано К. Редеем (см. NyK 84 : 387).

И. С. Галкин не отрицает, что мар. *варыш* 'холм, бугор, возвышенность' можно связать с коми *вӧр* 'лес', удм. *выр* 'холм, пригорок' (с. 8), но поскольку эти слова имеют соответствия и в прибалтийско-финских языках, как он пишет, вряд ли можно марийское слово считать пермским заимствованием. Пермские слова этимологически связаны с фин. *vuori* 'гора', а не с фин. *vaara* то же, как считает И. С. Галкин, потому что последнее — саамское заимствование в финском (см. SSA 3 : 386). В UEW (с. 571) дана реконструкция ф.-у. **wgre*. Гласный **g* имеет в марийском продолжение *o*, *u* (> *ü*), но *a* никогда (см. Bereczki 1994 : 100).

По И. С. Галкину, мар. *пош* 'верша' не может быть заимствованием коми *пуш* с тем же значением, ибо коми слово имеет прямое соответст-

вие в мансийском (с. 8). Он не учитывает, что по К. Редеи (Rédei 1964 : 9), коми слово является мансийским заимствованием, на что ссылаюсь и я. Если это так, то оно могло попасть в марийский язык только при посредничестве коми языка, так как о непосредственных мансийско-марийских соприкосновениях у нас нет сведений.

«Слово *лакемаш* 'застрять (о дереве)' нельзя сводить к одному источнику с коми *лякны* 'мазать клейким веществом', удм. *лакыны* 'клеить', тем более говорить о заимствовании, ибо марийское слово образовано при помощи суффикса *-ем*, который образует глаголы именных основ» (с. 8). И. С. Галкин считает, что марийское слово «скорее всего не заимствование, а собственное образование от существительного *лаке* 'яма'». Мне кажется странным выводить глагол со значением 'застрять (о дереве)' из существительного со значением 'яма'. Марийский глагол имеет и бессуффиксальный вариант *лакаш* 'застревать' (см. СлМарЯ), который трудно отделить от пермских слов, но из-за *a* в первом слоге в марийском языке речь может идти только о заимствовании, а не об общем наследии.

«Марийское слово *урдаш*, *вурдаш* 'содержать', как и коми *вердны* 'кормить', удм. *вордыны* 'воспитать', по мнению Гордеева, древнеиранского происхождения и нельзя считать его в марийском пермским по происхождению» (с. 8). В своей статье я ссылаюсь на иранское происхождение пермских и марийских слов, только я цитирую не Ф. И. Гордеева, а А. Йоки. Иранские же связи пермских и марийских слов выявил не Ф. И. Гордеев, они были известны уже полвека назад. Упомянутое марийское слово К. Редеи считает заимствованием ранее древнеперм. **wgrdz-* (Rédei 1986 : 80). В случае прямого иранского заимствования в первом слоге марийского слова ожидался бы *a*. Все иранские данные, приведенные К. Редеи, содержат в первом слоге *a*, который в подобных иранских заимствованиях марийского языка сохраняется, например *марий* 'мари, мариец' (см. Joki 1973 : 280), *ракиш* 'русый (о волосах)' (Joki 1973 : 306).

Мар. *вурт* 'нишенка' И. С. Галкин также считает иранским заимствованием (с. 9). Я тоже ссылаюсь на иранские связи марийского слова, но вместе с К. Редеи (см. Rédei 1986 : 80) отношу его к пермским заимствованиям.

«Прав Ф. И. Гордеев и в том, что марийское слово *ваче* 'плечо' проникло из сарматского источника независимо от пермских языков» (с. 9). Ф. И. Гордеев (1983 : 69) в древнемарийском реконструирует слово в форме **васья*. В восточномарийском оно, по данным Э. Беке, звучит как *wače* (MNySz 1 : 114). Какуминальный *č* не мог развиваться из *ś* (см. Vereczkí 1994 : 50). Коми *вотилы* 'ключица' (*лы* 'кость') с точки зрения консонантизма точно соответствует марийскому слову, но *a* можно объяснить только заимствованием.

«По-видимому, есть все основания мар. *туш* 'семя, ядрышко' считать чувашским заимствованием, нежели пермским, ср. чув. *тёш* 'зерно'» (с. 9). Чувашское слово является татарским заимствованием, как указывали К. Редеи и А. Рона-Таш (Rédei, Róna-Tas 1972 : 287—288), я цитирую их. Коми *тусь*, удм. *тысь* 'зерно', по их мнению, происходят от среднебулг. **tűś*. Из-за палатального гласного болгарского слова оно не может быть источником для марийского. Пермские же вступили

в контакт с булгарами раньше и могли передать марийцам усвоенную форму с велярным гласным. Мар. *вакаш* 'тошнить' (с. 9) с фонетической точки зрения мог бы быть заимствованием из коми *вӱк* 'отвращение', удм. *вукекйаны* 'тошнить', но эти слова явно имеют оноματοпоэтический характер и я решил не причислять марийское слово к пермским заимствованиям.

Мар. *вӱльӱ* 'кобыла' (с. 9), по мнению авторов UEW (с. 654), по всей вероятности, пермское заимствование. Этимология Ф. И. Гордеева (1983 : 193), на которую И. С. Галкин ссылается, связывает его происхождение с древнечув. **бӱлӱн* 'лось, олень', что ни с фонетической, ни с семантической точки зрения не приемлемо. В марийском начальный согласный должен был бы быть *p* и в конце слова *n* никогда не исчезает, только после *i* может произойти переход $n > n' > j > \emptyset$ (см. Bereczki 1994 : 44).

«Мар. *чак* 'близко', по нашему мнению, нельзя сравнивать с коми *джаг*: *джаг гӱрӱд* 'мертвый узел'» (с. 9). В изложении И. С. Галкина действительно нельзя сопоставлять марийское и коми слова, но в UEW (с. 55) значения марийского слова 'eng, nahe, dicht', у Э. Беке 'nahe, eng, dicht, dicht bestzt' (MNYsz 9 : 3009), а на основе этих значений сопоставление возможно. По мнению И. С. Галкина, марийское слово имеет древнечувашское происхождение, он приводит современный чувашский глагол *чак-* 'убавляться, уменьшаться, отступать, пятиться'. Сопоставление с семантической точки зрения уже сомнительно, фонетический же аргумент еще убедительнее опровергает предположение И. С. Галкина. Как видно из данных Э. Беке, у восточных марийцев слово битует в форме *çak*. Ни в одном чувашском или татарском заимствовании *ç* не встречается. В UEW приводится реконструкция **çäkkz* 'erstricken, ertrinken' и насчет марийского соответствия замечено, что оно древнепермское или древнеудмуртское заимствование.

И. С. Галкин о мар. *шӱрмӱч, сермыц* 'узда' пишет: «...нужно признать иранским заимствованием как в марийском, так и в пермских языках, ср. осет. *сӱрбос* 'веревка или ремень, надеваемое на рога волов'» (с. 9). Начальный *š* в коми *сермӱд*, удм. *сермет* 'узда' на основе осетинского слова не объясним. В пермских и марийском словах имеется финно-угорский суффикс **t* (см. Uotila 1933 : 96). Если трактуемые слова иранские заимствования, как объяснить в них одинаковый суффикс? В марийском суффикс **t* образует прилагательные, за исключением данного слова. В большинстве говоров *t* сохраняется, в этом же слове повсюду *s, š* (см. Веке 1952 : 345). Все эти незаконности объясняются заимствованием.

«Что касается мар. *пане (pañe)* 'ложечка' при коми *пань*, удм. *пуньы* 'ложка', то наличие мордовского *панемс* 'печь хлеб', фин. *panna* 'класть, положить' вызывает сомнение, что оно заимствовано из пермских языков» (с. 9). И. С. Галкин не говорит, откуда почерпнута эта странная этимология. Мордовский и финский глаголы нельзя отнести сюда (см. SSA 2 : 309). В UEW (с. 372) пермские и марийские слова сравниваются с мордЭ *penš, päñš*, хант. *рӱн* 'ложка' и реконструируется праформа **reñz*. В марийском ф.-у. **n'* не сохраняется и *a* не может восходить к **e*. Поэтому и в UEW марийское слово считается древнепермским или древнеудмуртским заимствованием.

«К пермским же субстратам можно отнести мар. *тылзе* 'луна, месяц', ср. коми *тӧлысь*, удм. *толэзь* 'луна, месяц'» (с. 9). Никак нет. К. Редее (Rédei 1978 : 123) доказал, что пермские слова образованы от глаголов — коми (WUo.) *dglalni* 'von ferne glänzen, leuchten', удм. (Wichm.) *dolani* то же. К. Редее реконструирует древнеперм. **tölščš*. В марийском языке отсутствуют как основной глагол, так и суффикс, следовательно, марийское слово может быть только заимствованием.

И. С. Галкин считает общим субстратным элементом и мар. *туйыс* 'туесок' вместе с коми *туис* 'бурак', удм. *туйыс* 'береста' (с. 9). В пермских языках имеются бессуффиксальные слова коми *той*, удм. *туй* 'береста', в марийском языке они отсутствуют. В марийском *s* сохраняется в конце слова и в таких говорах, где он должен был превратиться в *š*. В UEW (528) марийское слово считается также пермским заимствованием.

По И. С. Галкину (с. 10), мар. **čaž* 'тяж' могло попасть в язык непосредственно из русского, а потому не нужно считать его удмуртским заимствованием. Вряд ли. В марийском языке наличествует примерно 500 старых русских заимствований, но лишь это слово содержит какуминальный *ч*, в русских же заимствованиях удмуртского языка этот звук не редкость, например *чаж* 'тяжи'. Впрочем марийское слово в таком виде встречается только по соседству с удмуртами.

Мар. *иле* (*ile*) 'живой (о дереве); сырой, влажный (о сене)' не является производным от *илаш* 'жить'. Реконструированная форма первого слова **ele*, второго **elä-* (см. UEW 73). У восточных марийцев встречается палатализация *l* после *i*, но в данном слове она наблюдается и там, где вообще-то отсутствует. Как общеизвестно, ф.-у. **l* в марийском языке депалатализировался, поэтому я отношу марийское слово к заимствованиям, ср. удм. *ыль* 'сырой, мокрый, влажный'.

И. С. Галкин мар. *шӱкшак* 'рухлядь, трапье' толкует как производное от *шӱкшӧ* 'изношенный, ветхий', я же как заимствование: удм. *жуг-жаг* 'сор, мусор, отходы, отбросы', которое и с семантической точки зрения ближе к марийскому слову. Мар. *шӱкшӧ* образовано от глагола *шӱаш* 'гнить, загнивать'. К марийскому отглагольному суффиксу *-kšV*, как правило, не присоединяется другой суффикс. Марийское слово связано скорее с существительным *шӱк* 'сор, мусор' и относится к словам-близнецам. Другие языки поволжского, прикамского края тоже выражают данное понятие подобным образом, ср. коми *жуг-жаг* 'остатки, отбросы, отходы, дряг', чув. *çjп-çап* 'сор, мусор', тат. *чjп-чап* то же. С фонетической точки зрения марийское слово можно объяснить только с помощью пермских лексем, но из-за восточного распространения марийского термина речь идет скорее об удмуртском.

Мар. *гань*, *гане*, *гай* 'вроде, подобно, как' (с. 10), которое из-за вокализма слова я считаю заимствованием — удм. *кадь* 'будто, словно' (ввиду отсутствия *дь* в марийском согласный заменен *нь*), по И. С. Галкину, является сочинением местоименного корня *ка-* + окончание инструктора *-ин*, его праформу можно восстановить в виде **каин*. Реконструкция местоименного корня **ка-* — произвольный поступок, такого корня нет в этимологических словарях. Окончание *-нь*, *-нье*, *-й* является типичным продолжением финно-угорского местоименного суффик-

са на *n, ср. *тэ́н, тэ́не, тэ́ж* 'ich' (M^{Ny}Sz 5 : 1435). Окончание ин-структива в марийском не *-ин*, а *-н* и в этом случае ничем не мотивирована его палатализация.

Мар. *кыльга, кыльгака* 'приторный' с фонетической точки зрения могло бы быть заимствованием, ср. удм. *голькак*, но из-за его онома-топозитического характера в дальнейшем я не буду относить его к пермским заимствованиям.

«О том, что словосочетание *лыстан пӱнчӧ* 'лиственница' является не заимствованием, говорит его вариант *лышташан пӱнчӧ* 'лиственница'», (с. 10). Я считаю марийское словосочетание частичным заимствованием — удм. *лытем пужым* то же, досл. 'бесхвойная сосна'. Компонент *пӱнчӧ* является, естественно, переводом соответствующего удм. *пужым*. Удм. *лытем* 'бесхвойный' марийцы в духе народной этимологии превратили в *лыстан*, т.е. удмуртский лишительный суффикс поменяли на марийский суффикс прилагательного. Выражение *лышташан пӱнчӧ* — это уже стопроцентная народная этимология, потому что досл. 'листовая сосна', т.е. бессмыслица. Звук *s* в марийском слове вместо *š* также подтверждает, что мы имеем дело с заимствованием.

«Собственно марийским же нужно признать и слово *пунем*: *ӱп-пунем* 'косичка'», утверждает И. С. Галкин (с. 10). Я никогда не отрицал этого. В моей статье фигурирует (Gen.) Р (*ӱр*)-*рӱнет* '(Haar)flechte', *ӱпӱньем* 'женское украшение' (Васильев) как удмуртское заимствование. Марийское слово еще Э. Итконен связывал с удм. *бинем* 'свертка' (Itkonen 1956 : 74). В марийском отсутствует соответствующий глагол (ср. удм. *биньыны* 'замотать, свернуть, забинтовать') и *ӱ* — тоже аргумент в пользу заимствования.

«Слово *косо* 'гоголь' не только по фонетическим, но и по семантическим причинам нельзя считать удмуртским заимствованием» (с. 10—11). На основе фин. *koskelo* 'крохаль', коми *косысь* 'серая утка', удм. *куаси* 'селезень' И. С. Галкин считает марийское слово общепермским наследием. Это этимологическое сопоставление устарело. Финское и коми слова не связаны с марийским и удмуртским (см. UEW 111), SSA 1 (с. 408) даже финское и коми слова сравнивает под сомнением. И. С. Галкин не отмечает варианты с дифтонгом *ua* марийского слова. У Э. Беке находим следующие данные: МК *koś*, КА КŠ KN *kasə*, ČN *kuaze*, СК CŪ ČN *kŷas* 'Quackente, гоголь' (M^{Ny}Sz 3 : 902). В UEW для марийского слова и его соответствий реконструируется уральская праформа *kaće. Ур. *a не имеет продолжения *ua* в марийском. Марийское слово надо признать удмуртским заимствованием, что подтверждается и в UEW.

«Слово *пычал, пицал* 'ружье' в марийском языке русского происхождения» (с. 11). В конечном счете марийское слово происходит от рус. *пицаль* 'ружье', но *щ* марийский язык передает в русских заимствованиях как *ш*, например *роша* < рус. *роща*. Единственное исключение мар. *эче* 'еще'. В трактуемом же слове в восточномарийских говорах обнаруживаем *ç, ср. В ВJ М *pəçal* (M^{Ny}Sz 6 : 1851). На основе этого предполагаю: русское слово вошло в марийский язык при посредничестве удм. *piçal*. Соприкосновения удмуртов с русскими начались значительно раньше марийцев, поэтому с исторической точки зрения удмуртское посредничество возможно.

И. С. Галкин прав, я не точно определил значение мар. *вал* 'поверхность, верх, внешняя сторона чего-л.' (с. 11), но это не отменяет факта заимствования его, ср. удм. *пал* 'сторона'. Древнее финно-угорское соответствие удмуртского слова в марийском *вел* 'сторона'.

«Слово *кеге* 'пенис' также не удмуртского происхождения; его нельзя сравнить с удм. *гогы* 'пуп' по фонетическим и семантическим соображениям» (с. 11). Правда, я цитирую удм. *гогы*, но на первом месте у меня не это слово, а *гого*, значение которого тождественно значению марийского слова, ср. G M MU U *gogo* 'penis, männliches Glied' (Wichmann, Korhonen). Семантического препятствия здесь не вижу. И. С. Галкин в связи этим же словом пишет, что в марийском языке из *o* не развивался *e*. Я этого не утверждаю. Коми *e* ~ удм. *o* восходит к древнеперм. *ó* > ф.-у. *ä (см. Itkonen 1953—1954 : 291; Rédei 1963 : 371—373; Лыткин 1964 : 129). В марийском языке удм. *ó* был заменен самым близким палатальным гласным по открытости.

По мнению И. С. Галкиной, не марийцы заимствовали слово *немыр* (*ñetâr*) 'кашица', а наоборот (с. 11). В удмуртском *ñ* сохраняется, в марийском перед *e* нет вторичной палатализации, так что заимствовать мог только марийский язык.

Мар. *куаши*, *куаш* 'мелко (о воде)' (с. 11) не может быть удмуртским заимствованием, потому что удмуртское слово имеет соответствие в коми языке. Это не имеет значения. UEW (с. 223) реконструирует форму уральского языка-основы *kuška (*koška) 'trocken'. Продолжение ур. *u в марийском языке не может быть *ua*, но марийское слово может быть заимствованием удм. *куась* с тем же значением (см. UEW).

Аналогично обстоит дело с мар. *лйш*, *лйс* 'хвоя' (с. 11). По данным Э. Беке (MNySz 4 : 1382), данное слово содержит *s* и в таких говорах (P B Bj Bjr.), в которых в палатальном окружении он должен переходить в *š*, поэтому считаю источником марийского слова удм. *лыс* 'хвоя'.

И. С. Галкин утверждает, что мар. *вйтпоткем* 'водоворот' ~ удм. *вупуктем* 'речной нанос' (с. 11) семантически очень далеки друг от друга. На первый взгляд, может быть, но ведь одно понятие — это причина, а другое — следствие. Метатеза *kt* ~ *tk* в марийском языке объясняется, вероятно, влиянием звука *t* в слове *вйт*.

«Наличие в марийском языке слова *пйкташ* 'высиживать яйца' и в горном и луговом наречиях марийского языка нас убеждает в том, что слово *пйкен*, *пөкен* 'стул' не заимствовано из удмуртского языка, а скорее всего является древнепермским субстратом» (с. 12). По мнению К. Редей (Rédei 1966 : 95—96), *пйкташ* — удмуртское заимствование в марийском. Выше я уже указал, что значительная часть удмуртских заимствований наличествует и в горном наречии марийского языка. Удм. *пукон* 'стул' является причастием настоящего времени от глагола *пук-* 'сидеть'. Соответствующий глагол в марийском языке отсутствует. Марийский язык заимствовал удмуртское существительное, но суффикс *-он* заменил на соответствующий марийский *-ен*, который еще в древности образовывал причастие настоящего времени.

И. С. Галкин объясняет общим древнепермским субстратным наследием и мар. *сйскыл* ~ удм. *сиескал* 'хомут' (с. 12). Первый компонент этих слов можно свести к ф.-у. *šepä 'шея' (см. UEW 473), закономерное

продолжение которого в марийском — *шій* 'шея'. В слове *сійскыл* первый *s* должен был бы превратиться в *š*, второй же *s* восходит к именному суффиксу **ks* (см. Uotila 1933 : 320), которому соответствует в марийском языке *-ки*, *-ш*. Мар. *сійскыл* и другие сложные слова с *сійс*-объяснимы в марийском только как удмуртские заимствования.

И. С. Галкин упрекает меня (с. 12) в том, что я нигде не публиковал перечень тех общих пермско-марийских слов, которые нельзя считать заимствованиями, но они не имеют соответствий и в других родственных языках. Более десяти лет назад таких слов было 52. Статистика сделана на основе приложения к моей монографии по исторической фонетике марийского языка (Bereczki 1992 : 7—92), где перечислены все финно-угорские элементы марийской лексики. И. С. Галкин далее перечисляет те слова, которые считает общими в пермских языках и в марийском. Среди них встречаются общепризнанные этимологии, но подавляющее большинство основываны на сходстве без учета фонетических законов. Приведу лишь несколько примеров, чтобы продемонстрировать, какого рода недостатки обнаруживаются в перечне.

Вслед за В. И. Лыткиным (КЭСК 299) И. С. Галкин сравнивает марГ *вёйцаш* 'дужка (грудная косточка)' с коми *вутшыц*, *утшыс* 'рогатка', удм. *у́чыс* 'клещи хомута'. На основе пермских данных в начале слова можно предполагать **и*, что замечает и В. И. Лыткин. В марийском нет протетичного *v*. Какуминальному *ç* пермских языков в горномарийском не может соответствовать *s*.

Мар. *лугаш* 'месить', коми *лойны*, удм. *лайыны* то же (с. 12—13). Звуковое соответствие мар. *g* ~ перм. *j* встречается только в пермских заимствованиях марийского языка (см. Bereczki 1992 : 101). Такое же соответствие находим в мар. *тугаш* ~ удм. *тийаны* 'ломать' (отсутствует в перечне И. С. Галкина). Мар. *шійгё*, *шійгёй* ~ коми *(пу)чöй*, удм. *(ны)чей* 'короед' относятся сюда же.

И. С. Галкин сравнивает многие чувашские заимствования марийского языка как исконные слова с пермскими данными. Мар. *он* 'грудь' не соответствует коми, удм. *ан* 'нёбо', а давно известно как чувашское заимствование (см. Räsänen ČLČ 166). Мар. *йену* не соответствует коми *ойпу* 'сухая сосна', удм. *у́йпу* 'козья ива', а представляет собой заимствование: чув. *χua* 'Weide' (Räsänen EtymWb. 215/b). Мар. *шала* 'разбросанный' не соответствует коми *шаль* 'рассыпчатый', а является заимствованием — чув. **сал* 'разбиться, рассеиваться' (ср. Räsänen ČLČ 204; Федотов 1996 II 9), мар. *сорым*, *сьорым* 'плаха' нельзя сравнивать с коми *сорöм* 'звено в изгороди', потому что оно чувашское заимствование, ср. чув. *çop-*, *çур-* 'колоть, раскалывать, пилить'. Мар. *s*, *ś* вместо *š* в начале слова указывает на то, что мы имеем дело с отнесенительно новым заимствованием.

Мар. *чаргыжаш* 'визжать', *ись*: *ись ышташ* 'мочиться', *ызгаш* 'жужжать' и т. д. имеют оноματοпоэтический характер и потому не годны для этимологических сравнений.

Наконец, И. С. Галкин рассматривает пермские заимствования, которые встречаются в краткой статье, которую я написал в честь Б. А. Серебренникова (см. Берецки 1987 : 112—115). Слово *шійгё* 'короед' (с. 15) я уже упомянул; мар. *лап* 'низкий, низина' в последнее

время уже не связывается с фин. *lappra* (SSA 2 : 48). Что касается остальных слов, остаюсь при своем мнении.

В конце статьи И. С. Галкин приходит к выводу: по свидетельству археологических исследований «...часть ананьинского и азелинского населения вошла в состав марийского этноса, а это не могло пройти бесследно для марийского языка. Считать их пермскими заимствованиями в марийском языке нет оснований — это в основном общие для этих языков слова, за исключением некоторых марийских слов, в сопредельных диалектах с удмуртским языком». Это мнение неприемлемо для меня. Допустим, в ананьинское и азелинское времена марийский и пермский народы соприкасались друг с другом. Эти контакты имели место после того, как их предки по крайней мере полторы тысячи лет назад разделились. Как пермяне, так и марийцы ко времени контактов должны были обладать собственным языком. Если два самостоятельных языка — не имеет значения, родственны ли они — воспринимают слова друг от друга, то эти слова называются **з а и м с т в а н и я м и**. Аналогичный случай — финский и саамский языки. Финны поселились на саамской земле, вследствие чего многие саамские слова вошли в финский язык, но этимологические словари трактуют их не как общие субстратные элементы, а как саамские заимствования в финском языке.

С о к р а щ е н и я

Васильев — Ё п ы м а р и й (В. М. В а с и л ь е в), Марий Мутэр, Моско 1928; **СлМарЯ** — Словарь марийского языка 1—8 (А—Ч), Йошкар-Ола 1990—2003; **MNySz** — Ö. В е к е, Mari nyelvjárás szótár 1—9, Savariae 1997—2002; **Paasonen, Siro** — Н. Paasonens Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro, Helsinki 1948 (LSFU XI); **Räsänen CLC** — М. R ä s ä n e n, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki 1920 (MSFOu XLVIII); **Räsänen EtymWb.** — М. R ä s ä n e n, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, Helsinki 1969 (LSFU XVII); **Wichmann, Korhonen** — Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987 (LSFU XXI); **WUo.** — Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila, Helsinki 1942 (LSFU VII).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Б е р е ц к и Г. 1963, Взаимоотношения марийской лексики с лексикой мордовских и пермских языков. — CИFU I, 202—203.
— 1987, Пермско-марийские лексические связи. — Сущность, развитие и функции языка, Москва, 112—115.
Г а л к и н И. С. 2001, О марийско-пермских лексических параллелях. — Вопросы марийской ономастики, вып. 9, Йошкар-Ола, 3—16.
Г о р д е е в Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка. Т. 2, Йошкар-Ола.
Л ы т к и н В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
Ф е д о т о в М. Р. 1996, Этимологический словарь чувашского языка I—II, Чебоксары.
В е к е, Ö. 1952, Zur Geschichte einiger permischen Nominalbildungssuffixe. — ALHung. 2, 317—353.
В е р е ц к и, G. 1964, Etimológiai megjegyzések. — NyK 66, 117—121.

Габор Берецки

- 1977, Permi-cseremisiz lexikális kölcsönzések. — NyK 79, 57—77.
— 1992—1994, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I—II, Szeged (Studia Uralo-Altaica 34—35).
— 2002, A cseremisiz nyelv történeti alaklana, Debrecen.
- I t k o n e n, E. 1953—1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI, 149—345.
— 1956, Etymologisches Wörterbuch der uralischen Sprachen. Björn Collinder, Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala 1955. — UAJb. XXVIII, 56—80.
— 1961, Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historianluttimukset alalta, Helsinki (Tietolipas 20).
- J o k i, A. J. 1973, Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen, Helsinki (MSFOu 151).
- K o r h o n e n, M. 1981, Johdatus lapin kielen historiaan, Helsinki (SKST 370).
- R é d e i, K. 1963, Az óspermi első szótagbeli *j > *ö es *ö > j hangváltásról. — NyK 65, 371—373.
— 1964, Obi-ugor jövevénysszóok a zürjén nyelvben. — NyK 66, 3—15.
— 1966, Szófejtések. — NyK 68, 94—96.
— 1978, Szófejtések. — NyK 80, 120—126.
— 1986, Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten, Wien.
- R é d e i, K., R ó n a - T a s, A. 1972, A permi nyelvek óspermi kori bolgár-török jövevénysszavai. — NyK 74, 281—298.
- S e t ä l ä, E. 1912, Über art, umfang und alter des stufenwechsels im finnisch-ugrischen und samojedischen. — FUF Anzeiger XII, 1—152.
- U o t i l a, E. 1933, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).

GÁBOR BERECKZI (Budapest)

**LEXIKALISCHE ÜBEREINSTIMMUNGEN
IN DEN PERMISCHEN SPRACHEN UND IM MARISCHEN:
ENTLEHNUNGEN ODER GEMEINSAME SUBSTRATELEMENTE?**

I. S. Galkin hat annähernd fünfzig vom Autor dieses Artikels vorgelegte Etymologien für marische Wörter in Zweifel gestellt. G. Bereczki war der Ansicht gewesen, dass diese Wörter im Ergebnis jüngerer marisch-permischer Kontakte in das Marische übernommen worden sind. I. S. Galkin hingegen behauptet aber, 70% dieser Wörter gehören zum gemeinsamen Substrat dieser beiden Sprachen und sind deshalb keine Lehnwörter. Mit den hier dargelegten Erläuterungen will der Autor die von I. S. Galkin vorgebrachten Argumente widerlegen, indem er für jede angezweifelte Etymologie neue Beweise bringt und somit erneut zu dem Standpunkt gelangt, dass vier marische Wörter doch offensichtlich permische phonetische Züge aufweisen und deshalb nur als Entlehnungen angesehen werden können.